

В.Н. Василенко
кандидат филологических наук
Харьковский государственный университет

ВОСТОЧНЫЙ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ АВТОГРАФОВ ЦИПРИАНА КАМИЛЯ НОРВИДА

Циприан Камиль Норвид (1821–1883) – выдающийся польский поэт, писатель трудной творческой судьбы, вокруг имени которого по сегодняшний день ведутся весьма оживленные споры, вызывает к себе немалый интерес. Самобытные, пронизанные интеллектуально-фило-софской доминантой искания автора оставили его современников равнодушными, но с тем большим резонансом отозвались в художественном сознании нашего века, “века его полного триумфа”¹, оценившего Норвида по достоинству и возведшего его в ранг подлинных литературных гениев.

Посмертная известность, а затем и слава Норвида начали зарождаться в эпоху так называемой “Молодой Польши” – весьма пестрого по своим программам и неоднозначного по эстетическим свершениям декадентско-модернистского течения рубежа XIX–XX ст., типологически близкого символистским художественным системам Франции и России тех лет. Из практически полного небытия его имя вернул З. Пшемьцкий (Мириам)², известный как искусствовед и издатель элитарного “младопольского” журнала “Химера”. В первой трети века о нем немало писали А. Креховецкий³, Ц. Еллента⁴, С. Бжозовский⁵, К. Бережинский⁶, И. Фик⁷, З. Шмидт⁸, С. Колачковский⁹, Ч. Лятавец¹⁰ и другие ученые.

Однако свой истинный ренессанс норвидовское творчество начало переживать лишь в послевоенное время, когда ряд обстоятельных работ о нем появились не только в Польше¹¹, но также в СССР¹², Швейцарии¹³, Англии¹⁴, Канаде¹⁵, США¹⁶, Франции¹⁷. Тогда же начала суммироваться в своих результатах большая поисковая работа, связанная с выявлением его рукописей¹⁸, распорошенных по всему свету во время пожизненных скитаний писателя. Как отмечает русский исследователь А.В. Липатов, “дошедшее до нас творческое наследие Норвида – своего рода руины. В значительной степени – это обрывки, фрагменты, незаконченные вещи. Многие пропало, многое исчезло, уничто-

женное людьми и временем"¹⁹. Благодаря стараниям Ю.В. Гомулицкого (сына упомянутого выше ученого), норвидовские материалы разыскивались во многих странах Европы и даже по ту сторону Атлантического океана, что содействовало существенному пополнению издававшихся под его редакцией "Избранных сочинений"²⁰, "Собрания сочинений"²¹ и "Полного собрания сочинений"²² польского литератора.

Часть таких материалов обнаружилась и у нас, войдя в последнее из упомянутых изданий Норвида. Но ни описания их автономно значимой источниковедческой данности, ни попытки дать хоть какую-то систематизацию групп этих текстов не было предпринято, не говоря уже о том, что до сих пор так и не ставшая предметом специального исследования, вынесенная в заглавие данной статьи проблема оказалась как бы растворенной в обширнейшем массиве норвидологических публикаций, а посему – даже не обозначенной. Вместе с тем ее рассмотрение позволяет: а) пролить свет на малоизвестные страницы польско-русско-украинского литературного взаимодействия; б) содействовать актуальному на сегодня учету и осмыслению вариантов норвидовских рукописных текстов, изучению истории их бытования; в) с большей определенностью наметить пути поисков неизвестных доселе автографов писателя.

Как свидетельствует общий характер выявленных текстов Норвида, известный на сегодняшний день их массив группируется по одному и тому же принципу – все они сохранились у его знакомых и друзей, кому в свое время были адресованы или же подарены. А так как "круг знакомств писателя поражает своей широтой"²³, то не менее широкой оказалась и география их теперешнего местонахождения: Киев, Львов, Вильнюс, Москва.

Пять писем Норвида, его автобиографические заметки и одно стихотворение (всего 7 единиц хранения) находятся в фондах Института рукописей ЦНБ им. В.И. Вернадского НАН Украины²⁴. Их непосредственным адресатом был близкий парижский приятель писателя Владислав Ходзькевич²⁵. Позже довольно-таки большой личный архив Ходзькевича оказался в распоряжении польского библиофила, владельца имения Викторовка на Уманщине М. Жолкевского (так называемое "Уманское собрание"), впрочем, с норвидовскими материалами из этого собрания еще в начале века успел познакомиться З. Пшемыцкий, так что они оказались включенными уже в первые издания сочинений автора.

Крайние даты упомянутых автографов – 1857–1880 гг. Письма эпизодичны и малоинтересны по своему содержанию за исключением

одного, датированного 26 февраля²⁶ 1875 г., где Норвид, ссылаясь на статью о себе в “Энциклопедическом словаре XIX в.” Лярусса (Париж, 1874), перепечатанную из словаря Брокгауза, пишет: “... я не эмигрант без политической причины – узником государства был еще в юношеские годы”²⁷; “... я ни французский служащий, ни капиталист – живу с труда не очень денежного, и поэтому время у меня архипрочитано вперед”²⁸.

В составе описываемой группы норвидовских рукописных текстов привлекает внимание автограф стихотворения “La religion de mr le sénateur comte Victor Hugo” (“Религия г[осподина] сенатора графа Виктора Гюго”)²⁹, поводом к возникновению которого послужила публикация философской поэмы В. Гюго “Религия и религиозность” (Париж, 1880). Используя продуктивную в польской литературе форму “фрашки” (нечто среднее между эпиграммой и поэтической шуткой)³⁰, Норвид не без едкости пародирует некую интеллектуальную перенасыщенность и одновременно эклектичность произведений знаменитого француза, а также – его стиль. Нарочито сводя ситуацию к откровенной литературной карикатуре, поэт начинает свое стихотворение с риторического вопроса: “Или это проснулся вулкан у Неаполя? ...”, затем пишет о громогласии небрежно роняющего многозначительные слова Гюго и замерших в благоговейности “печатных станках”, готовых тиражировать любое его высказывание, даже если это тривиальнейшее “добрый день”, но в финале Гюго произносит: “день добрый!”

Все можно было бы воспринять как невинную писательскую шутку, не стоящую внимания. Однако норвидовское стихотворение куда сложнее, чем это может показаться на первый взгляд, – у него имеются по крайней мере два глубинных смысловых плана. Во-первых, в его подтексте ощущается горечь поэта, чей голос по настоящему так и не был услышан современниками; горечь, которую не мог не испытывать Норвид, стоявший на проромантических позициях и, подобно Гюго, усматривавший в поэте прежде всего глашатая вечных истин, пророка. Во-вторых, в основе этого сложного чувства лежит все же признание, что только такой – постоянной, чуткой, действенной, обоюдной – и должна быть связь между писателем и обществом. Сказанное подтверждается следующим. Как известно, неимуший Норвид провел свои последние годы вблизи Парижа в приюте Св. Казимира. Здесь же шестью годами раньше оборвалась жизнь Т.А. Олизаровского, польского писателя такой же трагической судьбы. Откликнувшись на эту смерть развернутым некрологом-эссе, Норвид, размы-

шляя по поводу должного и истинного положения литератора, писал следующее: “Все годы изгнания Виктора Гюго его Родина знала, как устроился, живет – здоров ли – и что пишет? Это благородно со стороны Франции. Была ему матерью”³¹.

Норвид разослал свое стихотворение (в несколько отличающихся вариантах), помимо В. Ходзькевича, еще Ю.Б. Залесскому и С. Духиньской³². Впервые оно было опубликовано при посредничестве Ходзькевича в “Блюще” от 29 сентября 1880 г., затем вошло в издания произведений автора. Во время подготовки норвидовского “Полного собрания сочинений” Ю.В. Гомулицкий обратился к М. Бажану, живо интересовавшемуся Норвидом, переведшему ряд его стихов и написавшему предисловие к вышедшему на Украине сборнику его поэзий³³. Известный украинский поэт содействовал отправке в Варшаву микрофильма норвидовских автографов из фонда ЦНБ им. В.И. Вернадского НАН Украины.

Еще одна группа рукописных текстов Норвида хранится в отделе рукописей Львовской научной библиотеки им. В. Стефаника НАН Украины. Они дошли до нас в составе архива семейства Павликовских³⁴, основанного в 30-е годы XIX в. Гвальбертом Павликовским, видным деятелем польской культуры, принадлежа его внуку – Мечиславу³⁵.

Это самое большое собрание рукописных текстов поэта, хранящихся у нас. В него вошли 18 писем (записок) Норвида к Павликовскому, два драматургических отрывка (начало оригинального норвидовского произведения “Театр без театра” [л. 42–45] и предпринятый поэтом перевод “Гамлета” У. Шекспира [л. 47–51] – на польский переведена вторая сцена первого акта – с дарственной надписью: “Переводил с оригинала 1855 года, сколько здесь есть, дарю г. Павликовскому. Норвид” [л. 51], а также ряд стихотворений – “Бунтари, или партия-переворота” [л. 42], “О да, все что есть...” [л. 3], “Обычай” [л. 38], “Разве эта птица марает гнездо...?” [л. 2 об.], “К врагу – (песня)” [л. 40], “Дух Адама и скандал” [л. 34], “К Мечи-Славу” [л. 18], “Fiat i vivat” [л. 12].

У некоторых из перечисленных поэтических текстов Норвида имеется весьма интересная творческая судьба.

Так, произведение “Дух Адама и скандал” написано по свежим следам трагического события, о чем свидетельствует уже само авторское примечание: “Писал после возвращения с похорон Адама Мицкевича, 1856, в Париже” [л. 34]. Непосредственным поводом к его возникновению послужила скандальная стычка во время отпевания Мицкевича в соборе Святой Магдалины между эмигрантом Ф. Язвинским и генералом В. Замойским, которая в сознании поэта наложила на последние

слова умиравшего великого романтика “Любите друг друга” и дала толчек к горестным медитациям по поводу раздоров польской общест-венности. Впервые стихотворение было опубликовано лишь в 1907 г.³⁶ (Несколько отличающийся вариант стихотворения был послан поэтом Т. Ленартовичу 26 января 1856 г.).

Два стихотворения (“Бунтари, или партия-переворота” и “К врагу – (песня)”) были вызваны к жизни взрывом польского январского восстания 1863 г. Написанные в феврале, они были посланы поэтом Павликовскому во Львов. В первом из них он протестует против утверждения официальной русской прессы о том, что якобы это восстание – лишь бунт небольшой группы заговорщиков “партии-переворота”. Во втором – гневной обличительной инвективе – одном из лучших образцов своей политической лирики, напрямую обращается к русскому самодержавию, по словам советского ученого Б.Ф. Стахеева, делая “различие между исполнителями царской воли, залившими Польшу кровью, и русскими (“все, кто люди”), способными отклик-нуться на свободолюбивый призыв”³⁷:

I

Ты, истины лучи принявший за кинжалы,
Помедли – раб! – и пороха не трать!
Нет, не годишься ты в вожди и генералы!...
Доколе за тебя я буду умирать?

II

Неужто учат каждой мысли здравой
Тебя посредством только страшных драм?
Патриотизму – улицы Варшавы,
А Христианству – разоренный храм?!

III

Неужто ничего в себе не зачиная,
Ты лишь других умеешь обирать!
Взываю: отступи, о глыба ледяная:
Доколе под тобой я буду умирать!...³⁸

(Перевод Д. Самойлова)

Оба стихотворения увидели свет летом 1863 г.³⁹

Автографы лирических произведений Ц.К. Норвида хранятся так-же в ЦНБ АН Литвы⁴⁰.

Это тексты таких стихотворений, как “В Вероне”, “Что? ей ска-зать...” [л. 2; л. 2об.], и совсем недавно обнаруженного польскими ис-

следователями юношеского произведения "Прощание" (1842), написанного в байроновском стиле во время отъезда поэта за границу, откуда на родину он уже так и не вернулся.

О художественной (не говоря уже о текстологической) ценности данных литературных памятников свидетельствует хотя бы написанное во время пребывания в Италии (конец 40-х годов) и представляющее собой настоящую жемчужину норвидовской лирики стихотворение "В Вероне", бытовавшее при жизни автора под несколько измененным заглавием "Над могилой Джульетты Капулетти в Вероне":

I

Над кровом Капулетти и Монтекки
Гроза низвергла громовые реки.
И вдумчивое око тишины

2

Взирает на враждующие грады,
На древний сад, на ветхие ограды,
Звезду роняя с вышины.

3

И молвит кипарис, что для Джульетты
И для Ромео – дальние планеты
Роняют слезы с голубых высот.

4

А у людей бытует утвержденье,
Что это все не слезы, а каменья,
А этих слез никто уже не ждет⁴¹.

(Перевод Д. Самойлова)

Что касается "Прощания", то его оригинал был найден Мечиславом Инглотом среди бумаг журнала "Атенеум"⁴², издававшегося в Вильнюсе (1841–1851) Крашевским. Описание рукописи дано Евой Войтыло в одном из выпусков специального издания "Норвидовские исследования"⁴³.

Библиотека Вильнюса располагает также автографами писем Норвида к Зофье Венгерской (одно письмо)⁴⁴ и Яну Шванскому (четыре письма)⁴⁵, открытых для польской науки филологом Станиславом Цивинским.

В бурной, весьма подвижной жизни польского поэта был период 1849–1852 гг., когда через секретаря мицкевичевской "Трибуны Народов" Эдмунда Хоецкого он сблизился, бывая на приемах у семейства

Гервегов, с парижскими кругами международной революционной эмиграции, в том числе – с А.И. Герценом, И.С. Тургеневым, П.Л. Лавровым, возможно, хотя это только предположение, и с М.А. Бакунным. Однако история взаимоотношений с этими людьми видится подлинным “белым пятном” в биографии писателя, поскольку фактографически подтверждена только лишь существованием нескольких его писем к двум из них, а их ответы (равно как и другие документы) выявить пока так и не удалось.

Единственно известное письмо Норвида А.И. Герцену было отправлено из Нью-Йорка в 1853 г.⁴⁶ и содержало, помимо упоминаний об их совместных встречах в Париже и признания себя “приемным ребенком истинных борцов за свободу”, просьбу о материальном вспомоществовании, необходимом крайне нуждавшемуся поэту для обратного возвращения во Францию: “Я уже не рассчитываю на помощь Европы, ибо письма просматриваются представителями тайной полиции. Я не могу также рассчитывать на свое творчество, которое с трудом дает мне возможность сводить концы с концами. У меня нет друзей среди богатых и влиятельных с того момента, как я добровольно разделил судьбу побежденных” (имеются в виду З. Красинский и А. Цешковский, неодобрительно отнесшиеся к его “полевению” – В.В.)⁴⁷.

Такая же неясность царит вокруг переписки Норвида с П.Л. Лавровым⁴⁸, выявленной нашим историком Е.К. Жуковым в московском Центральном государственном архиве Октябрьской революции⁴⁹, а впоследствии приведенной и описанной польским ученым Е.В. Борейшей на страницах периодической печати⁵⁰.

Сохранившиеся четыре письма Норвида к Лаврову, датируемые 70 – началом 80-х годов, свидетельствуют, что эти люди не только хорошо знали друг друга, но и поддерживали достаточно оживленные связи. В первом письме (1870?) поэт рекомендует Лаврову Библиотеку польской школы на бульваре Батиньоль; во втором от 1873 г. благодарит за присланную ему какую-то книгу с дарственной надписью “верящему поляку от неверящего русского”⁵¹; в четвертом, помеченном февралем 1882 г., выражает свою горечь по поводу вести о высылке из Франции полицейскими властями П. Лаврова и В. Засулич как зарубежных представителей “Народной воли”. “В свете писем Норвида к Лаврову, – замечает Е.В. Борейша, – несомненными предстают его симпатии к “русским нигилистам”⁵².

Новые целенаправленные архивные разыскания должны принести новые открытия норвидовских автографов. Сама широта и разнородность приведенных в статье материалов вселяет такую уверен-

BIBLIOGRAFIA

- ¹ *Piechal M.* Wiek Norwida // *Poezja*.- 1971.- N 1.- S. 69.
- ² *Przesmycki Z.* Z notat i dokumentów o C. Norwidzie // *Chimera*.- 1904.- N 7.- S. 419-453.
- ³ *Krechowiecki A.* O Cyprianie Norwidzie.- Lwów, 1909.- T. 1-2.
- ⁴ *Jellenta C.* Cyprian Norwid. Szkic syntezy.- Stanisławów ; Warszawa, 1909.- 107 s.
- ⁵ *Brzozowski S.* Legenda Młodej Polski. Studia o strukturze duszy kulturalnej.- Lwów, 1910.- 323 s.
- ⁶ *Bereżyński K.* Filozofia Cypriana Norwida.- Warszawa, 1911.- 83 s.
- ⁷ *Fik I.* Uwagi nad językiem Cypriana Norwida.- Kraków, 1930.- 89 s.
- ⁸ *Szmydtowa Z.* O misteriach Cypriana Norwida.- Warszawa, 1932.- 194 s.
- ⁹ *Kołączkowski Cz.* Ironia Norwida. Dwa studia: Fredro - Norwid.- Warszawa, 1932.- S. 43-75.
- ¹⁰ *Latawiec Cz.* Cyprian Kamil Norwid i jego czasy.- Poznań, 1938.- 141 s.
- ¹¹ *Malewska H.* Żniwo na sierpce. Powieść o Norwidzie.- Poznań, 1947.- 347 s.; *Sławińska I.* O komediach Norwida.- Lublin, 1953.- 276 s.; *Borowy W.* O Norwidzie.- Warszawa, 1960.- 394 s.; *Jastrun M.* Gwiazdzisty diament.- Warszawa, 1971.- 269 s.; *Piechl M.* Mit Pigmaliiona. Rzecz o Norwidzie.- Warszawa, 1974.- 338 s.; *Sawicki S.* Norwidowa walka z formą.- Warszawa, 1986.- 181 s.; *Trojanowiczowa Z.* Cypriana Norwida mesjanizm sztuki.- Poznań, 1987.- 285 s.; *Inglot M.* Wyobrażenia poetycka Norwida.- Warszawa, 1988.- 216 s.
- ¹² *Лунатов А.В.* Циприан Камиль Норвид // *История польской литературы*.- М., 1968.- Т. 1.- С. 418-449; *Поляков М.* Лирика Норвида // *Поляков М.* Цена пророчества и бунта.- М., 1974.- С. 528-555.
- ¹³ *Dybowski J.Z.* Cyprian Kamil Norwid als christlicher Kulturphilosoph der polnischen Romantik.- Bern, 1943.- 142 s.
- ¹⁴ *Norwid żywy.* Księga zbiorowa.- Londyn, 1962.- 314 s.; *Listecka A.* Norwid - poeta historii.- Londyn, 1973.- 173 s.
- ¹⁵ *Domaradzki T.F.* Le symbolisme et l'universalisme de Cyprian Kamil Norwid.- Quebec, 1974.- 176 p.
- ¹⁶ *Gombóri G.* Cyprian Norwid.- New York, 1974.- 162 p.
- ¹⁷ *Marek E.* Cyprian Kamil Norwid. Życie i twórczość.- Lille, 1980.- 45 s.
- ¹⁸ *Rudnicka J.* Nieznany list C. Norwida do W. Cybulskiego // *Twórczość*.- 1955.- N 2.- S. 120-124; Nieznane autografy C. Norwida // *Ibid.*- 1960.- N 4.- S. 92-96; Nieznany list Norwida // *Ruch Literacki*.- 1973.- N 6.- S. 385-386.
- ¹⁹ *Лунатов А.В.* Указ. соч.- С. 420.
- ²⁰ *Norwid C.* Dzieła zebrane.- Warszawa, 1966.- T. 1-2.
- ²¹ *Norwid C.* Pisma wybrane.- Warszawa, 1968.- T. 1-5.
- ²² *Norwid C.* Pisma wszystkie.- Warszawa, 1973-1976.- T. 1-11.
- ²³ *Malewska H.* Żniwo na sierpce.- S. 97

²⁴ Центр. науч. б-ка им. В.И. Вернадского НАН Украины. Ин-т рукописей, ф. XXIV, ед. хр. 1468–1472 и два приложения к ним (лирическая пародия на В. Гюго – л. 11 и некоторые биографические сведения о себе – л. 12–13об.). – (Далее: ЦНБ. ИР).

²⁵ В. Ходзькевич (1820–1896) – ученый-ориенталист, писатель, переводчик, общественный деятель. С 1851 г. постоянно проживал в Париже, был ассесором местной Польской публичной библиотеки, вице-председателем Парижского Историко-литературного общества. Принимал участие в Крымской войне как переводчик при штабе Наполеона III. Состоял в тесном знакомстве с такими писателями, как А. Мицкевич, С. Гоциньский, Ю.Б. Залесский, Ц.К. Норвид, Ю. Корсак и др. Активно сотрудничал с польскими журналами “Блюц”, “Тыгодник илюстрованы”. Написал трагедию “Гаман” (Лейпциг, 1846; 2-е изд. – 1852); романы – “Три лилии” (Вильно, 1846), “Исторические польские сцены XVI и XVII веков. Народный роман” (Вильно, 1847. – Т. 1–3; 2-е изд. – 1852), “Наша земля” (Пб., 1859), “Дневники бродяги” (Львов, 1903. – Т. 1–2).

²⁶ Месяц и число установлены Ю.В. Гомулицким.

²⁷ ЦНБ. ИР, ф. XXIV, ед. хр. 1468–1474, л. 12об.

²⁸ Там же, л. 13.

²⁹ Там же, ед. хр. 1468–1472, л. 11.

³⁰ Жанр “фрашки” возник в польской литературе еще в XVI в. Это непере译имое слово тогда означало “мелочь”, “пустяк”. См.: Польські фрашки : 36. – К., 1990 (сюда включены две норвидовские “фрашки” – “Сила их” и “Заседання”, с. 67).

³¹ *Norwid C. Dwie aureole // Norwid C. Pisma wybrane.* – Т. 4. – S. 342.

³² См.: *Norwid C. Dzieła zebrane.* – Т. 2. – S. 965.

³³ *Бажан М. Злигодні, гідність і велич поета // Норвід Ц. Поезії.* – К., 1971. – С. 5–22.

³⁴ Львов. науч б-ка им. В. Стефаника НАН Украины. Отд. рукописей, ф. 76, ед. хр. 571/п8.

³⁵ М. Павликовский (1834–1903) – общественный деятель, писатель, журналист, коллекционер. С 1855 г. с перерывами жил во Франции. Контактывал с А. Мицкевичем, К. Уейским, А. Асньком, Э. Милковским (Ежем) и др. Посылал свои заметки в “Дзенник Польски”, “Дзенник Литерацки”, “Край”, “Реформу”, “Газету Народову”. Начиная с 1855 г., был близко знаком с Норвидом; приобрел у него много авторских рисунков и гравюр. Норвид посвятил ему стихотворение “К Мечи-Славу”; в 1875 г. проектировал вместе с ним создание интернационально-благотетельного “Общества почитания человека”.

³⁶ *Pamiętnik Literacki.* – 1907. – Z. 6. – S. 105.

³⁷ *Стахеев Б.Ф. Комментарии // Норвид Ц. Стихотворения : Пер. с пол.* – М., 1972. – С. 159.

³⁸ *Норвид Ц. Врагу (Песнь) / Пер. Д. Самойлова // Там же.* – С. 72.

³⁹ *Dziennik Literacki.* – 1983. – 13 lipca. – S. 444.

⁴⁰ Центр. науч. б-ка АН Литвы. Отд. рукописей, ф. 9, ед. хр. 1947, л. 2-2об.- (Далее: ЦНБ АН Литвы. ОР).

⁴¹ *Norwid C.* В Вероне / Пер. Д. Самойлова // *Норвид Ц. Стихотворения.* - С. 80.

⁴² ЦНБ АН Литвы. ОР, ф. 9, ед. хр. 1417, л. 39-40.

⁴³ *Wojtyła E.* *Odnalezienie rękopisu "Pożegnania" Cypriana Norwida* // *Studia Norwidiana.* - 1987-1988. - N 5/6. - S. 161-174.

⁴⁴ ЦНБ АН Литвы. ОР, ф. 15, ед. хр. 1718.

⁴⁵ Там же, ф. 24, ед. хр. 52-55.

⁴⁶ Письмо в распоряжении Ю.В. Гомулицкого.

⁴⁷ Цит. по: *Сливовацкий Р.* Герцен глазами поляков // *Проблемы изучения Герцена.* - М., 1963. - С. 371. Автор приводит полный текст письма в своем переложении.

⁴⁸ П.Л. Лавров (1823-1900) - профессиональный революционер, теоретик русского революционного народничества, философ, публицист, редактор журнала и газеты "Вперед". В 1877 г. переехал из Лондона в Париж, где организовал (1878) русско-польский революционный кружок. Был связан с варшавским социалистическим подпольем.

⁴⁹ Центр. гос. арх. Окт. революции, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 334.

⁵⁰ *Borejsza J.W.* *Cyprian Kamil Norwid i "General Dynamit"* // *Polityka.* - 1968. - 26 czerwca; *Cyprian Kamil Norwid i Piotr Ławrowicz Ławrow* // *Slavia Orientalis.* - 1969. - N 1. - S. 2-23.

⁵¹ *Borejsza J.W.* *Cyprian Kamil Norwid i Piotr Ławrowicz Ławrow.* - S. 15

⁵² *Ibid.* - S. 22.